

ВЫЙТИ НА ЛЮБОЙ СТАНЦИИ

— КНИГА 4 —

КОГДА СХОДЯТ С РЕЛЬСОВ

Иногда, чтобы найти себя,
нужно потерять привычный
путь.

НИКОЛАЙ ГАНЮШКИН

Николай Ганюшкин

Когда сходят с рельсов .Том

4.Выйти на любой станции.

<https://litres.ru/74314564>

SelfPub; 2026

Аннотация

За две осенних недели у Артёма рушится мир. Старое, забытое доверие оборачивается долгом, повешенным на его имя. Любовь уходит — не в ссоре, а из милосердия, потому что двое, которые держатся друг за друга, чтобы не утонуть, тонут вместе. А человек, ставший ему ближе отца, тихо угасает на больничной койке, и Артём впервые понимает, что «время идёт» — это не абстракция, а усохшая рука в твоей ладони.

Четвёртая книга цикла — о крушении, которое оказывается началом. Что остаётся от человека, когда отнято всё, — и не это ли и есть он сам?

Содержание

Николай Ганюшкин	4
Конец ознакомительного фрагмента.	21

Николай Ганюшкин

Когда сходят с рельсов .Том 4.Выйти на любой станции.

Николай Ганюшкин

КНИГА ЧЕТВЁРТАЯ

КОГДА СХОДЯТ С РЕЛЬСОВ

Часть IV. Обвал

Глава 28. Большая схема

Я думал, что, сказав Марку «нет», я вышел из-под удара. Что моё твёрдое, безбронное «нет» в кофейне — это точка, поставленная в опасной истории. Я гордился этим «нет» — оно казалось мне доказательством, что я вырос, что научился отказывать, что больше не марионетка чужой воли. И вот тут жизнь преподала мне один из самых обидных своих уро-

ков: иногда сказать «нет» — уже поздно. Потому что «да» ты сказал давно, год назад, не заметив, — и это старое, забытое «да» настигает тебя как раз тогда, когда ты гордишься своим новым «нет».

Началось всё со звонка. Незнакомый номер, будний день, я на работе, на пункте. Голос — деловой, сухой, официальный. Представился — какая-то юридическая контора, коллекторы, точнее уже не помню, потому что в тот момент у меня зашумело в ушах и слова стали доходить с задержкой. Суть была такая: на мне висит долг. Крупный. Оформленный на моё имя. По договору, который я, оказывается, подписывал год назад.

— Я ничего не подписывал, — сказал я, холодея. — Это ошибка.

— Договор с вашей подписью и паспортными данными, — сухо ответил голос. — Оформлен тогда-то. Хотите — приезжайте, ознакомьтесь. Долг реальный. Сроки прошли. Начисляются проценты. Рекомендуем не затягивать.

Я положил трубку. Руки тряслись. Костя посмотрел на меня — я, видимо, был белый, — спросил «чё случилось, малой?». Я не ответил. Я лихорадочно вспоминал. Год назад. Подпись. Паспортные данные. Марк.

И я вспомнил.

Была одна сделка — из ранних, зимних, — когда Марк попросил меня «оформить документы». Что-то там про то, что товар идёт «на меня», что так удобнее для схемы, что

это формальность, «риска ноль». Я тогда, доверчивый, влюблённый в свою новую роль «человека Марка», подписал не читая. Марк сунул бумаги, сказал «тут распишись, тут, и вот тут», я расписался — три раза, механически, как расписывался год спустя в приёмной комиссии под собственной кляксой. Я даже не помнил, что именно подписывал, — Марк умел подсунуть бумагу так, между делом, за кофе, чтобы и не задумался. Я доверял ему. И вот это доверие — годовалое, забытое, — оказалось тем самым «да», которое настигло меня теперь, когда я гордился своим новым «нет».

Я отпросился с работы — Костя, увидев моё лицо, отпустил без вопросов, — и поехал в ту контору. Ознакомиться. И там, за столом с усталым юристом, я увидел бумаги. Свою подпись — кривоватую, ту самую, с завитком, которым я расписывался всю жизнь. Свои паспортные данные. И условия, в которые я год назад вписал себя не глядя, доверившись Марку: что я выступаю кем-то вроде поручителя, оформителя, лица, на которое повешена ответственность за некий товар и некие деньги. Марк использовал меня как то самое «честное лицо» не только на встречах с покупателями — он использовал моё честное лицо и на бумаге. Оформил на доверчивого, чистенького студента без долгов и без подозрений то, что не хотел вешать на себя. Громоотвод. Он сделал меня громоотводом ещё год назад — тихо, за кофе, «распишись тут». А я и не знал, что уже год как громоотвод. Узнал только теперь, когда ударило.

Я вышел из конторы в осенний холод, и меня мутило — по-настоящему, физически. Та самая тошнота, что кольнула меня после первой сделки, после деда, после кляксы, — только теперь она была не лёгкая, предупреждающая, а полная, накрывающая с головой. Потому что предупреждения кончились. Пришёл счёт. Тот самый счёт за лёгкое, о котором я догадывался ещё год назад и который отодвинул словами «ну и ладно». «Лёгкие деньги берут плату позже» — вот она, плата, пришла, ровно через год, с процентами. Я взял тогда лёгкие деньги — а отдавал теперь тяжёлым: долгом, тошнотой, страхом.

Я написал Марку. Первый раз после нашего разрыва в кофейне. Написал коротко, дрожащими пальцами: «Мне звонили. Долг на моё имя. Что это?» Он не ответил. Я позвонил — недоступно. Ещё раз — недоступно. Марк исчез. Растворился — как отец ушёл в ночь, как незнакомец сошёл на станции, только Марк растворился не благородно, а трусливо, оставив меня расхлёбывать то, во что вписал моё имя. Тонущий, который, хватаясь за всё подряд, в итоге утопил меня вместо себя, а сам нырнул поглубже.

Позже — не сразу, по обрывкам, из разговоров с общими знакомыми, которых у нас с Марком почти не осталось, — я сложил картину. Марк влез в ту большую схему, о которой звал меня в кофейне. Влез по горло. Она лопнула — как лопаются все такие схемы, рано или поздно. Серьёзные люди, серьёзные деньги, которые «заходили», — они хоте-

ли их обратно, с процентами, и им было всё равно, с кого. А Марк, умный Марк, всё просчитавший Марк, заранее, за год, за два, рассовал ответственность по чужим именам — по «своим», «проверенным», «доверяющим». По таким, как я. И когда лопнуло, он не отвечал. Отвечали оформленные. Громоотводы. Мы приняли на себя удар, чтобы не ударило в него.

Вот что такое было моё «да» год назад. Вот чего стоило доверие.

И я долго, мучительно долго осмыслял потом это доверие — потому что оно было не только моей бедой, но и моим уроком, самым дорогим за все годы. Я доверял Марку. Слепо. Почему? Не потому что был глуп, — точнее, не только. А потому что доверие — это слепое пятно. У каждого человека есть кто-то, кому он верит не проверяя, — и вот в это слепое пятно и бьёт предательство, всегда, потому что больше некуда. Незнакомцу я бы не подписал бумаги не читая. Чужому — прочитал бы каждую букву. А Марку — расписался механически, «свои же». Именно потому, что доверял. Предательство возможно только там, где есть доверие, — это его определение, его условие. Нельзя предать того, кто тебе не верит. Можно предать только того, кто подставил тебе спину, потому что считал тебя своим. Марк ударил меня в спину — но спину-то я подставил ему сам, добровольно, из доверия. Без моего доверия удар был бы невозможен.

И вот такая мучительная штука открылась мне в те

дни. Николай Андреевич говорил: плохих людей нет, есть несчастные. И я в это верил, я на этом строил своё новое, доброе, принимающее отношение к миру. А Марк — Марк ткнул меня носом в изнанку этой красивой мысли. Да, Марк несчастен, он тонущий, он бежит от себя, я всё это про него понимал и жалел его. Но моё понимание и жалость не отменили того, что он сделал. Он подставил меня — несчастный или нет, неважно. И тут я упёрся в трудный вопрос, на который до сих пор не знаю точного ответа: если человек несчастен, значит ли это, что он не виноват? Если Марк тонул, значит ли это, что ему простительно утопить меня вместо себя?

Николай Андреевич, когда я его потом (позже, при обстоятельствах, о которых расскажу) спросил об этом, ответил так — и я запомнил, потому что это спасло меня от двух крайностей, в которые тянуло: от наивного всепрощения и от чёрной ненависти. Он сказал: «Понять — не значит оправдать, Артём. И осудить — не значит перестать жалеть. Это ты в одну кучу свалил, а это разные полки. Марка своего ты пойми — почему он такой, что его сломало, отчего он тонет. Понял? Хорошо. Теперь пожалей — он несчастный, это правда, ему хуже, чем тебе, у тебя долг, а у него — вся жизнь враньё, страшнее долга. Пожалел? Хорошо. А теперь — не пусти его больше в свою жизнь и с долгом разбирайся, как со стихийным бедствием, не как с человеком. Потому что понять и пожалеть — это про твою душу, чтоб не зачерстветь. А не пустить и разобраться — про твою жизнь, чтоб не уто-

нуть следом. И то и другое надо. По отдельности. На разных полках».

Понять, пожалуй — и не пустить. На разных полках. Это была, может быть, самая практически важная мудрость, которую я получил за все годы, — потому что она разрешала невыносимое противоречие между добротой и самосохранением, между «плохих нет» и «а долг-то платить мне». Можно понимать человека и при этом защищаться от него. Можно жалеть — и не пускать. Доброта не обязана быть глупостью. Понимание не обязано быть беззащитностью. Я год качался между двумя крайностями — то судил всех подряд (первая половина года), то всех подряд принимал и жалел (вторая половина, после Николая Андреевича). А правда была посередине и на разных полках: понимай, жалея — но стой на своих ногах и не давай себя топить.

Но всё это осмысление придёт позже. А в тот осенний день, выйдя из конторы с долгом на плечах и тошнотой в горле, я не осмыслял — я был просто раздавлен. Долг был реальный и большой — такой, что моя зарплата на пункте выдачи, те честные плотные деньги, которыми я так гордился, теперь выглядели насмешкой: чтобы покрыть этот долг, мне надо было работать на пункте несколько лет, отдавая всё до копейки. Несколько лет расплачиваться за одну механическую подпись, поставленную из доверия год назад. Вот арифметика лёгких денег. Взял легко за двадцать минут — отдаёшь тяжело за несколько лет. Курс обмена был чудовищ-

ный, грабительский, но справедливый — потому что за лёгкое всегда платят несоразмерно, в том и урок.

Я не пошёл к родителям. Не мог. После февральской грозы, после «пока ты никто», прийти к отцу и сказать «пап, я влез в мутную схему, меня подставили, на мне долг» — это было выше моих сил. Это подтвердило бы всё, что он про меня думал: паразит, за лёгким побежал, «купи-продай», допрыгался. Я предпочёл нести долг молча, один, — как отец нёс свою гитару, как я весь год носил гирьки несказанной правды. Гордыня? Наверное. Но и стыд — настоящий, жгучий стыд человека, который так гордо не хотел «быть как отец», а оказался хуже: отец хоть честно вставал в шесть, а я влез в аферу и попался как последний дурак.

Я вернулся домой в тот вечер, сел на кухне — отец смотрел новости, мать хлопотала, — и смотрел на них, на этих усталых честных людей, которые всю жизнь считали каждую копейку, боялись долгов как огня (для их поколения долг — это позор, катастрофа, конец), — и понимал, что не смогу им сказать. Что буду нести это один. И от одного этого — от невозможности разделить, от одиночества внутри собственной семьи — мне стало так тяжело, как не было ещё никогда за все обвальные дни.

Мать, конечно, почувствовала. Она всегда чувствует.

— Тём, ты какой-то... — сказала она, вглядываясь. — Случилось что? Бледный ты.

И я, глядя ей в глаза — впервые за долгое время прямо, не

отводя взгляд, потому что дал ей слово не врать, — сказал: — Нормально, мам. Устал на работе.

Соврал. Нарушил данное слово. И это была, наверное, самая горькая ложь за все годы — потому что я обещал ей не врать, она поставила это единственным условием после февраля, а я снова соврал, в самый тяжёлый момент, когда правда была нужнее всего. Но я не мог иначе. Стыд был сильнее. Стыд запечатал мне рот крепче любого замка.

Первая опора обвала рухнула окончательно: Марк не просто ушёл — он оставил после себя долг, который придавил меня к земле. Впереди были ещё две — Лиза и Николай Андреевич. И я, придавленный первым обломком, побрёл навстречу остальным, не зная ещё, что худшее не долг. Долг — это про деньги, а деньги, я уже знал, дело наживное. Худшее было впереди — там, где теряют не деньги, а людей. Насовсем.

Глава 29. Предательство

Долг — это была цифра. Большая, страшная, придавившая, но всё-таки цифра, то есть нечто, с чем можно что-то делать: считать, платить, договариваться о рассрочке, работать сверхурочно. Цифру можно погасить. А есть вещи, которые не гасятся, потому что они не про деньги. Про Марка по-настоящему больно мне стало не из-за долга. Из-за самого Марка. Из-за того, что он оказался тем, кем оказался. И вот эту боль — боль предательства как такового, отдельно от

денег, — я хочу здесь разобрать, потому что она была новой в моей жизни, я такой раньше не знал, и она научила меня тому, чему не научили ни книги, ни разговоры.

Я всё ждал звонка от Марка. Или сообщения. Хоть чего-нибудь. Я не мог поверить — по-настоящему, нутром не мог поверить, — что человек, с которым мы дружили со школы, с которым сидели за одной партой, который называл меня «свой», «мой человек», «мы со школы», — что этот человек просто взял и подставил меня, оформил на меня долг и растворился, не ответив ни на один звонок. Разум уже всё понял — бумаги, подпись, схема, исчезновение. А нутро отказывалось. Нутро твердило: это ошибка, это недоразумение, сейчас Марк объявится и всё объяснит, скажет «прости, малой, так вышло, я всё улажу». Потому что нутро не верило, что близкий способен на такое. Разум знал факты. Нутро знало Марка. И между этим знанием пролежала пропасть, в которую я и проваливался те осенние дни.

Вот что оказалось самым мучительным в предательстве — не сам ущерб, а вот это раздвоение: разум против нутра. Ущерб от чужого человека я бы принял спокойно — обманули, бывает, мир жесток, чужие обманывают, это в порядке вещей. Но обман от своего разум принять может, а нутро — нет, нутру нужно время, чтобы перестроить весь мир, в котором Марк был «свой». Потому что, приняв предательство Марка, я должен был признать не только то, что Марк — предатель. Я должен был признать, что вся наша дружба,

все эти годы со школы, всё, что я считал настоящим, — было для него не тем, чем для меня. Что пока я держал его за друга, он держал меня за ресурс. За честное лицо. За будущий громоотвод. Что «свой» и «мой человек» в его устах означало не то, что в моём. Для меня это значило близость. Для него — полезность.

И вот это переписывание прошлого — самое страшное в предательстве. Предатель отнимает у тебя не только настоящее (деньги, доверие). Он отнимает у тебя прошлое. Он задним числом опустошает всё, что было, — все совместные годы, все разговоры, всю дружбу, — потому что оказывается, что это было не тем, чем ты думал. Ты жил в одной истории, а он — в другой, и твоя история была иллюзией, декорацией, за которой он вёл свою. И теперь, узнав правду, ты не можешь вспоминать прошлое по-старому — оно всё отравлено, всё переписано. Каждое тёплое воспоминание о Марке теперь надо пересмотреть: а не использовал ли он меня уже тогда? А то «я тебе доверяю, мы со школы» — это была дружба или уже подготовка громоотвода? Предатель заставляет тебя усомниться в собственной памяти, в собственной способности отличать настоящее от поддельного. И это отравление прошлого — оно горше любого долга.

Марк объявился. Через неделю. Не звонком — сообщением, коротким, холодным, деловым: «Не парься. Долг спишется через полгода, там срок исковой давности, юристы сказали. Просто не бери трубку от коллекторов, тyani. Само рас-

сосётся. Я тут ни при чём, это бизнес, ничего личного. Ты сам подписал».

«Ты сам подписал». «Ничего личного». «Это бизнес».

Я перечитал это несколько раз. И вот тут — не когда узнал про долг, а именно теперь, прочитав «ничего личного, ты сам подписал», — нутро наконец догнало разум, и я поверил окончательно. Марк не раскаивался. Марк не считал, что сделал что-то плохое. В его картине мира он был прав: бизнес, ничего личного, я сам подписал, сам виноват, что доверял. Он даже как бы делал мне одолжение — советовал, как выкрутиться («тяни, рассосётся»). Он искренне не понимал, за что на него обижаться. Потому что в его мире дружбы не было. Была польза. И когда я перестал быть полезным, а стал стоять ему риска, он меня списал — «ничего личного», как списывают неликвидный товар с баланса.

Вот тогда мне стало по-настоящему больно. И, знаете, где болело? Не там, где долг. Долг болел в голове — цифрами, расчётами, тревогой. А это болело в груди — там, где живёт способность верить людям. Марк не просто подставил меня на деньги. Он подтвердил самый тёмный, самый детский страх, который сидит в каждом человеке: что тебя на самом деле не любят. Что близость, в которую ты веришь, — односторонняя. Что для другого ты не тот, кем он для тебя. Марк был мне другом — а я ему ресурсом. И если так вышло с Марком, — шептал этот тёмный страх, — то, может, и с остальными так? Может, я вообще не умею отличать, кто

меня любит, а кто использует? Может, все мои привязанности — такие же иллюзии, и Лиза тоже, и даже Николай Андреевич?

Вот что делает предательство самого страшного: оно отравляет не только предателя, а всё доверие вообще. После Марка я поймал себя на том, что стал с подозрением смотреть на всех. На Лизу — а вдруг она тоже? На Костю. Даже на Николая Андреевича мелькнула мерзкая мыслишка — а вдруг и старик чего-то от меня хочет, недаром же он со мной возится? Предательство одного близкого заражает недоверием ко всем близким сразу — в этом его самая подлая работа. Оно не отнимает у тебя одного друга. Оно отнимает у тебя способность иметь друзей, отравляет саму почву, на которой растёт доверие. И если не спохватиться — можно на этом яде застыть навсегда, стать человеком, который никому не верит, потому что однажды поверил и получил «ничего личного, ты сам подписал».

От этого яда меня спас — опять — не кто-то, а понимание, до которого я дополз сам, в те тяжёлые ночи, лёжа под трещиной на потолке и глядя, как она ползёт. Я думал: если я теперь перестану доверять всем из-за Марка — кто победит? Марк. Марк не только отнимет у меня деньги и прошлое — он ещё и переделает меня по своему образу, сделает меня таким же, как он, — не верящим в дружбу, видящим в людях только пользу и риск. Предательство ведь заразно именно так: преданный, защищаясь, часто сам ста-

новится тем, кто его предал, — очерствевшим, недоверчивым, закрытым. Марк стал таким когда-то, наверное, тоже не на пустом месте — кто-то и его когда-то предал, и он «сделал выводы», закрылся, решил, что дружбы нет, есть польза. Он был не первым звеном. Он был чьей-то бывшей жертвой, ставшей палачом. И если я теперь «сделаю выводы» и закроюсь — я стану следующим звеном этой цепи, буду передавать предательство дальше, как передают эстафету угасания.

И я решил — сознательно, впервые за обвал приняв что-то не по течению, а против, — я решил не делать выводов. Не закрываться. Не отравляться. Марк предал меня — это факт Марка, а не факт всех людей. Из того, что один близкий оказался предателем, не следует, что близость — иллюзия. Следует только, что я ошибся в одном человеке, — а ошибиться в одном не значит, что нельзя доверять никому. Это было трудное решение — потому что нутро вопило: закройся, защитись, не верь больше, тебе же будет безопаснее! Закрыться было безопаснее. Но безопаснее — не значит лучше. Закрытый мертвец в доспехах, я это уже знал по истории с бронёй и Лизой, живёт хуже уязвимого живого человека. Я предпочёл остаться уязвимым. Оставить дверь доверия открытой — зная теперь, что через открытую дверь может войти и Марк. Готовым платить за это риском. Потому что альтернатива — жить, как Марк, никому не веря, — это была не жизнь, а вечное бегство, я это видел на нём же.

Я ответил Марку — коротко, последним сообщением, по-

сле которого удалил его отовсюду. Я долго думал, что написать. Хотелось выплеснуть ярость, проклясть, обозвать. Но в итоге я написал вот что — и до сих пор считаю, что написал правильно: «Ты меня не подставил, Марк. Ты подставил себя. Я потеряю деньги. А ты потерял способность иметь друзей — и даже не заметил. Мне жаль тебя. Прощай».

Я не знаю, прочитал ли он это. Наверное, усмехнулся, если прочитал, — «размяк малой, философ». Но я писал это не для него. Я писал это для себя — чтобы закрепить своё решение не отравляться, чтобы поставить точку не в ненависти, а в жалости-и-непускании, на разных полках, как учил Николай Андреевич. Я пожалел Марка — искренне, не для красоты. Потому что он и правда был беднее меня, при всех своих деньгах и схемах. У меня был долг, но были Лиза (пока), старик (пока), Костя, Даша, родители — были люди, которым я мог доверять и которые могли доверять мне. А у Марка не было никого. Он всех превратил в ресурс, всех использовал и списал, и остался один среди «серьёзных людей», которые тоже видели в нём только ресурс, и однажды спишут и его — «ничего личного». Марк выиграл наш спор о деньгах. Но проиграл в главном — он остался человеком, которого никто не любит по-настоящему, потому что он сам научился любить, разменяв всех на пользу. И это наказание страшнее любого долга — только Марк его не чувствовал, как не чувствует боли отмороженный.

Так я потерял друга. Точнее — понял, что друга не бы-

ло, был соблазн в обличье друга, а теперь и соблазн отпал, и на его месте — пустота и долг. Первый обломок обвала лёг мне на плечи. Тяжёлый. Но я устоял под ним — не сломался, не отравился, не закрылся. Я даже, как ни странно, чему-то научился: научился отличать понимание от оправдания, жалость от беззащитности, доверие от слепоты. Я стал чуть меньше доверять — и это было не потерей, а взрослением: детское доверие ко всем сменялось взрослым доверием к некоторым, проверенным, — и это правильно, так и надо, безоглядное доверие ко всем хорошо для ребёнка, но губительно для взрослого.

Но обвал только начинался. Марк был первым обломком — и, оглядываясь, самым лёгким. Потому что Марка я потерял из иллюзии: его на самом деле никогда и не было, того друга, каким я его считал. А впереди были потери настоящего — там, где терять было по-настоящему что.

Лиза сказала «не звони пока». А Николай Андреевич не приходил в кофейню уже вторую неделю. И я, придавленный обломком Марка, пошёл к этим двум трещинам — не зная, что одна из них разверзнется навсегда.

Глава 30. Разрыв

Лиза позвонила сама. Через две недели своего «не звони пока» — которые я, надо отдать себе должное, выдержал, не позвонив, хотя каждый день это стоило мне борьбы с собой, с кулаком, который так и норовил сжаться и набрать её номер.

Я не звонил. Я держал ладонь раскрытой — впервые, через силу, поздно, но держал. И, может быть, именно поэтому она позвонила сама. Хотя позвонила не за тем, за чем я надеялся.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.